

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА СМИРНОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

“Проста мова” как лингвистический феномен Великого княжества Литовского (на лексическом материале Евангелия Тяпинского в сравнении с Острожской библией)

“Проста мова” (“в старых памятниках это наречие обыкновенно называется «языком русским» [Карский 1893, 1]) — письменный язык Великого княжества Литовского XVI–XVII вв., в основу которого предположительно легли западно-русские диалекты проживавшего на этой территории населения. Изучение и описание этого языка началось еще в конце XIX в. такими исследователями, как П.И. Житецкий, М.В. Довнар-Запольский, Е.Ф. Карский и др. При этом, как отмечает в своей статье М. Гардзанити, до нашего времени “отсутствует какое-либо системное описание самого языка и его релевантных характеристик, прежде всего в сопоставлении с польским и с церковнославянским того периода” [1999, 169].

По утверждению А.В. Карташева, Литва в XVI в. признавала себя русским княжеством. В этот период Великое Литовское княжество состояло частично из “Литвы, занимавшей немного более двух нынешних губерний, Виленской и Ковенской, — пишет архиепископ Макарий, — а преимущественно из русских областей, обнимавших пространство девяти других, западных и южных, нынешних наших губерний: Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской и Подольской. К этим областям надобно причислить и ту часть Галиции, которая хотя в гражданском отношении находилась под властью Польши, но в церковном принадлежала к Литовской митрополии” [1996, 21]. “Русский народ диалектологически здесь принадлежал ко всем трем своим ветвям: великорусской, белорусской и южно-русской, названной греками малорусской. В самой столице Литвы — Вильне к концу XV в. половина населения была по вере православной, а по расе

и языку русской” [Карташев 1993, 535–536]. И, “хотя польская государственность и наводняла Литву делопроизводством и актами на польском языке, с литовской стороны государственный язык русский преобладал и был обязателен в актах и договорах. Даже акты королевской власти, публикуемые законы и все судопроизводство в Литве обязательно совершалось на государственном для Литвы русском языке” [там же, 537]. В то же время, нося имя *русского*, язык этот уже отражал оформление белорусского диалекта на лексическом и грамматическом уровнях.

Б.А. Успенский считает, что “в основе “простой мовы” лежит актывый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в польско-литовском государстве как язык судопроизводства. Этот язык, постепенно теряя функции делового языка, становится литературным языком в широком смысле, т. е. употребляется и вне деловых текстов. Став языком литературы (в том числе и конфессиональной), этот язык подвергся нормированию (главным образом на уровне орфографии и морфологии). Таким образом, “проста мова” представляет собой книжный (литературный) язык, возникший на основе делового государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси” [1994, 68–69]. Следовательно, на “простой мове” в XVI в. создаются тексты различного содержания — делового и церковного.

В нашем исследовании основное внимание будет уделяться священным текстам, так как Евангелия, имея определенную структуру и содержание, лучше поддаются сравнению и анализу (при сравнении параллельных фрагментов, написанных на “простой мове” и церковнославянском языке того периода), нежели тексты деловой письменности.

Следует отметить, что на развитие и распространение “простой мовы” сильно повлияло то, что в середине XVI в. на территорию Великого княжества через Польшу и другие соседние государства стало проникать протестантство. “По отношению к священным книгам влияние протестантства выразилось двояким образом: с одной стороны, в появлении критического отношения к тексту священных книг, в желании иметь точный и полный перевод Библии; с другой — в желании иметь книги на родном и притом по возможности простом, народном языке, который всем был понятен. Первое вызвало проверку Библейского текста по еврейским священным книгам, которые принимались за первоисточник; второе — способствовало появлению значительного количества переводов книг Ветхого и Нового Заветов на народную речь — польскую и русскую” [Назаревский 1911, 10–11].

Первые попытки перевода книг Ветхого и Нового Завета на “простую мову” относятся к началу XVI в.: в 1517–1519 гг. вышли в свет книги Ветхого Завета в переводе Франциска Скорины, рукописное Евангелие

первой половины XVI в., текст которого в основе своей церковнославянский, но отдельные слова переданы по-малорусски.

Значительно богаче подобными переводами вторая половина XVI в.: Пересопницкое Евангелие (1556–1561 гг.), Евангелие Тяпинского (около 1570 г.), Житомирское Евангелие (1571 г.), являющееся переделкой Пересопницкой рукописи, Летковское Евангелие, в целом — церковнославянское, но со значительной малорусской вставкой, перевод Нового Завета В. Негалева (1581 г.), а также многочисленные списки и переводы Учительных Евангелий XVI–XVII вв.

Лексический состав “простой мовы” очень неоднороден, поэтому исследователи не могут прийти к единому мнению о происхождении языка. По этой же причине нет также единого мнения о том, как называть этот язык. Например, Франциск Скорина называет язык своих изданий *руским*, противопоставляя ему язык *словенский*. Василий Тяпинский, переводчик Евангелия на “просту мову”, называет западно-русский народ и его язык “зацнымъ рускимъ”. Как пишет Е. Карский, “вследствие преобладания в этом наречии особенностей теперешних белорусских говоров многие ученые исследователи называют его белорусским, как, например, Буслаев, Огоновский, Житецкий, Соболевский, Недешев, Владимиров, Крыжанич” [1893, 3]. С другой стороны, западно-русские писатели того времени иногда называют его также литовским. Так, “Лаврентий Зизаний слово “катехизисъ” объясняет следующим образом: “по-литовски ‘оглашение’”; или Памва Берында в своем словаре (1653 г.) говорит: “пѣтель: чески и руски ‘когуть’; волински ‘пѣвень’; литовски ‘петухъ’” [там же, 1]. Есть исследователи, которые из-за наличия в западно-русском наречии элементов польского языка называют его русско-польским языком, а некоторые из них — даже наречием польского языка (Штриттер, Греч, Линде).

Многие исследователи указывают на искусственность “простой мовы”. Некоторые из них по этой причине даже отказывают языку в собственном названии. Так, Бодянский пишет о западно-русском наречии: “Им никто никогда не говорил и не говорит... (так как он представляет) самую отвратительную смесь, какую только можно себе представить и какая когда-либо существовала на Руси” [там же, 2]. А исследователь Головацкий то же говорил о языке Библии Ф. Скорины: “То язык ни белорусский, ни великорусский, ни малорусский, а язык книжный искусственный, яким никто никогда не говорил и не говорит” [там же, 2].

Действительно, западно-русское наречие приняло в себя как черты общерусского языка, так и особенности местных народных говоров. “Когда оно стало языком литературы, в него обильным потоком вошли еще, с одной стороны, стихия церковно-славянская книжная, а с другой — при

посредстве речи образованного общества со временем проник язык польский; вследствие указанных обстоятельств наречие книжное западно-русское, как и всякий язык литературы, стало в большей или меньшей степени искусственным” [там же, 6]. Об этом же пишут и украинские исследователи: “Письменство цее вживало особливої мішанини, аж надто незграбного жаргону («язичія» за пізнішою термінологією), де неорганічно зливалися до купи елементи церковно-слов’янські, польські і малоруські (вони рівночасно й білоруські)” [Шахматов, Кримський 1924, 114].

Изучение “простой мовы”, как нам представляется, должно основываться, в первую очередь, на сравнении и сопоставлении священных текстов, написанных на этом языке, с церковнославянскими памятниками этого периода. В данном исследовании для изучения “простой мовы” привлекается Евангелие Тяпинского [Evangelije 2005], которое Б.А. Успенский определяет как один из основных текстов [2002, 397]; для сопоставления с церковнославянским языком используется текст Евангелия по списку Острожской библии (далее ОБ), изданной в 1581 г.

На лексическом уровне в тексте Евангелия Тяпинского можно найти заимствования из украинского, белорусского и польского языков. Однако основа текста Евангелия — общеславянская, и заимствования составляют лишь его небольшую часть. Ниже приводятся примеры заимствований в Евангелии В. Тяпинского с параллелями из ОБ и с толкованиями слов в различных словарях: *Этимологическом словаре русского языка* М. Фасмера (далее ЭСФ), *Синонiме Славеноросской вт. пол. XVII в.*, изданной в 1889 г. (далее ССР), *Этимологическом словаре славянских языков* под ред. О. Трубачева (далее ЭССЯ).

“проста мова”	церковно-славянский язык	Словари
блѹзнеръсѣство	хѹла (Мат. 12:31)	ЭСФ: <i>б'люзгать</i> ‘пустословить’, зап. (Даль), укр. <i>блюзнѹти</i> ‘ударить струей’, польск. <i>bluzgać</i> ‘плескаться’, польск. <i>bluźnić</i> ‘поносить, богохульствовать’.
бѹдованѣ	зданїа (Мат. 24:1)	ЭСФ: <i>будовать</i> ‘строить’, часто в XVII в. Через укр. <i>будувати</i> из польск. <i>budować</i> ‘строить’.
вшечюченства	любовдѣанї (Мат. 15:19)	польск. <i>wszeteceźstwo</i> n ‘разврат, распутство’.
гроши	пнѣзь (Мат. 18:28)	ЭСФ: укр. <i>грiш</i> , блр. <i>groш</i> , в зап.-рус. и галицийских текстах с XIV в. Через польск. <i>groz</i> из стар. нем. <i>Grosch, Groschen</i> .

жолнери	воины (Мат. 8:9)	ЭСФ: стар., ‘солдат’, раньше — <i>жолнырь</i> , Псковск. 2 летоп. под 1485 г., укр. <i>жолнір</i> , блр. <i>жолнер</i> (XVI в.). Заимств. через польск. <i>żołnierz</i> , чеш. <i>žoldněř</i> из ср.-в.-н. <i>soldenære</i> ‘наемный солдат’ (уже в XII в.).
запроважени	преселеніє (Мат. 1:12)	польск. <i>zaprowadzać</i> — 2. ‘отводить, провожать до места’.
звнѣжство	повѣдѣ (Мат. 12:20)	польск. <i>zwyсіęstwo</i> п ‘победа’. укр. <i>звнѣжство</i> ‘победа’.
Зводитель	льстець (Мат. 27:63)	польск. <i>zwozdziciel</i> т ‘соблазнитель, обманщик’.
катонъ	мучительмъ (Мат. 18:34)	польск. <i>kat</i> т ‘палач’ ЭССЯ: чеш. <i>kat</i> т ‘палач, жестокий человек’ ССР (2 пол. XVII в.): <i>катъ</i> ‘мучитель, спекулятор’.
левица	швица (Мат. 6:3)	польск. <i>lewica</i> f 1. ‘левая рука’.
мѣшкаль	вселис (Мат. 2:23)	польск. <i>mieszkać</i> ‘жить, проживать, пребывать’; укр. <i>мѣшкати</i> ‘жить, проживать’.
Облнучє	лицє (Мат. 17:2)	польск. <i>oblicze</i> п ‘лицо, облик’. ССР: <i>обличіє</i> ‘видъ, лице’.
облуда	призракъ (Мат. 14:26)	польск. <i>obluda</i> f ‘лицемерие, притворство, двуличие’; укр. <i>облуда</i> ‘обман, притворство, лицемерие’; укр. <i>облудний</i> — 2. ‘обманчивый, призрачный’; др.-польск. <i>obluda</i> f тага (‘видение, призрак’), <i>zjawa</i> (‘явление, видение’). ССР: <i>облуда</i> ‘мечтание, призрак, привидение’.
одеднѹѣ	наслѣдѣтѣ (Мат. 5:5)	польск. <i>dziedziczyć</i> ‘наследовать’. ССР: <i>одѣдичую</i> ‘наследую, наследую’.
офитосьти	извѣтка (Мат. 12:34)	польск. <i>obfitość</i> f ‘обилие, изобилие’. ССР: <i>обфитость</i> ‘довольство, изобильство, преизлишество, зри — достаток’.
Покѣсы	напастъ (Мат. 5:44)	польск. <i>rokusa</i> f ‘искушение, соблазн’. ЭСФ: ср. <i>искусѣтъ</i> , укр. <i>кусѣти</i> ‘искушать’.
правница	дєсница (Мат. 6:3)	польск. <i>prawica</i> f 1. ‘правая рука, десница’.
Рольа	сєло (Мат. 27:8)	ЭСФ: <i>ро лья</i> ‘пашня, пахотное поле’, южн. (Даль), <i>роля</i> ‘то же’, укр. <i>рі лля</i> , блр. <i>роля</i> , др.-рус. часто <i>роля</i> , чеш. <i>role</i> , др.-польск. <i>rolá</i> , вин. ед. <i>rolą</i> , польск. <i>rola</i> . Связано с <i>орать, рало</i> ‘плуг’.
фрасѣнкомъ	печали (Мат. 13:21)	польск. <i>frasunek</i> т ‘забота, озабоченность’ ССР: <i>фрасунокъ</i> ‘печаль, скорбь, сетование’.

Надо отметить, что Тяпинский при переводе часто прибегает к использованию синонимов, заимствованных из разных языков. Подобная вариативность не случайна. Например, соматизм “лицо” Тяпинский переводит то как *овлицуе* (Мат. 17:2) (ср.: польск. *oblicze*), то как *особы* (Мат. 22:16) (ср.: ст. укр. *особа* — вид, лице), то как *виденья* (Мат. 6:16). Скорее всего, это объясняется стремлением выразить в переводе дифференциацию стилей в зависимости от контекста. Если речь идет о Христе, используется лексика высокого стиля, если просто о людях — нейтральная, а если надо вызвать негативное отношение читателя — сниженная. При этом стоит отметить, что в греческом оригинале подобной дифференциации нет.

Примеры высокого стиля:

Иподнехъ шесѣти, възъ исхъсъ, петра ипакова, иноана брата его· невъзвелъ ихъ нагорѣ въсокуь одны, Ипеременилѣсе передъними· ипросветилосе овлицуе его какъ солнцѣ, а одежи его были белы *какъ светло: (Мат. 17:1; 17:2) — ипрѣобразис прѣ ними, ипросвѣтис лице его како слнѣце (ОБ) — καὶ ἔλαμψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ὡς ὁ ἥλιος.; Тогда заплававши овлицуе его, иприкросьти ему делали· а ииши повелюютьи были· Моисеви, пророкѣи нанъ хрисъте, хто есътъ въюуни тебе·(Мат. 26:67; 26:68) — Тогда заплаваш лице его, ипакостни емѣ дѣхѣ (ОБ) — Τότε ἐνέπτυσαν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ, καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν·..

Примеры нейтрального стиля:

Ипосылають кнему ѳуениковъ своихъ з иродіанты, моисеви· ѳунтелею, ведаем ижъ правдивыи еси, идорогі божѣе правдіве ѳуишь· инедабешъ инокомъ· во несмотрішъ наосовы люцъские· (Мат. 22:16) — оуунтелею, вѣлмы како истиненъ еси, ипѣти вжѣю вѣистинѣ оууниши, инерадиши николаѣже· невозриши налице вѣкомѣ· (ОБ) — Διδάσκαλε, οἶδαμεν ὅτι ἀληθὴς εἶ, καὶ τὴν ὁδὸν τοῦ Θεοῦ ἐν ἀληθείᾳ διδάσκεις, καὶ οὐ μέλει σοι περὶ οὐδενός, οὐ γὰρ βλέπεις εἰς πρόσωπον ἀνθρώπων.

Примеры сниженного стиля:

Я гды поститесе, невѣдѣте къ лицемерники смѣтунсе, похнѣрають во видень свои, ѣжебы овѣвнили людем постунс· (Мат. 6:16) — Егда поститес· невѣдѣте также лицемѣри, сѣтѣюще, помрачаѣ во лица сво· како дагавте вѣкомѣ постѣс· (ОБ) — Ὅταν δὲ νηστεύητε, μὴ γίνεσθε ὥσπερ οἱ ὑποκριταὶ σκυθρωποὶ· ἀφανίζουσι γὰρ τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ὅπως φανῶσι τοῖς ἀνθρώποις νηστεύοντες.

В заключение следует отметить, что, хотя церковных памятников, написанных на “простой мове”, дошло до нас не так много, их изуче-

ние необходимо для лучшего понимания истории белорусского, украинского и русского языков. Это касается, в первую очередь, исторической грамматики, но также лексикологии и лексикографии. Для лексикографов особенно ценно то, что именно на “простой мове” впервые в конце XVI в. появляются словари, то есть тексты металингвистического характера: *Лексис* Лаврентия Зизания (1596) [Лексис 1964], *Лексиконъ славеноросскій и имень Тлъкованіе* Памвы Беринды (1627 г.) [Лексикон славеноросскій 1961], анонимный рукописный словарь *Синоніма славеноросская* [ССР 1889].

ЛИТЕРАТУРА

- Evanhelije 2005 = *Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare.* Padeborn, München, Wien, Zürich.
- Гардзанити М., 1999: “Учительское Евангелие” Мелетия Смотрицкого в контексте церковно-славянской традиции евангельской гомилетики и проблема перевода Евангельских чтений, in *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI-XVIII secolo.* Alessandria.
- Житецкий П.И., 1889: *Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке*, с приложением словаря книжной малорусской речи по рукописи XVII века (Синоніма Славеноросская). Киев.
- Карский Е., 1893: Что такое древнее западнорусское наречие, in *Труды IX археологического съезда в Вильне* (отд. оттиск). Москва.
- Карташев А.В., 1993: *Очерки по истории русской церкви*, т. I. Москва.
- Лексикон славеноросскій, 1961 = *Лексикон славеноросскій Памвы Беринди* (під тексту і вступ. ст. В.В. Німчука). Надруковано з вид. 1627 г. фотомеханічним способом. Київ.
- Лексис 1964 = *Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская* (підг. текстів пам`яток і вступ. ст. В.В. Німчука). Київ.
- Макарий Архиепископ [Булгаков М.П.], 1996: *История русской церкви*. Кн. 5. Т. 9: Период разделения русской церкви на две метрополии. Москва.
- Назаревский А.А., 1911: Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского, in *Университетские известия*, кн. 8, 11, 12. Киев.
- ОБ = *Острожская Библия*, 1988 [фототип. воспр. с издания 1581 года]. Ленинград, Москва.
- ССР = *Синоніма Славеноросская*, 1889: издано П. Житецким вместе с “Очерком литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв.”. Ч. I. Киев.
- Успенский Б.А., 1994: *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва.
- Успенский Б.А., 2002: *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва.

Шахматов О.О., Кримський А.Ю., 1924: Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської старо-українщини XI–XVIII вв., in *Укр. Акад. наук. Збірник історично-філологічного відділу. №12. Приплет. к сборнику ОРЯС. АН. Т. 1. Вып. 2. Київ.*

ЭССЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. АН СССР. Ин-т рус.яз. Москва. 1974—.*

ЭСФ = Фасмер М., 1986: *Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Пер. с нем. и доп. Трубачева О.Н. Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина Москва.*

E-mail: katarzina@yandex.ru

Январь 2009 г.

JEKATERINA SMIRNOVA

The “Prosta mova” as Linguistic Phenomenon in the Grand Duchy of Lithuania (Exploration of the Lexical Material of the Tyapinsky’s Gospel as Compared to the Ostrog Bible)

Scientists have various opinions on the written language of Lithuanian Rus’ of the sixteenth and seventeenth centuries, which is referred to as the “prosta mova”. “There is no any systematic description of this language and its grammar, first of all in comparison with Polish and Old Church Slavonic” (Garzdaniti 1999, 169).

At the lexical level, V. Tyapinsky’s Gospel includes Ukrainian, Byelorussian and Polish borrowings. But there is no doubt that the basis of this text is Slavic.